

РАЗДЕЛ 3

ИЗ АРХИВА КАФЕДРЫ

УДК 821.161.1 + 82.02 + 82.09 + 141.32

И. А. Дергачев

БЫЛ ЛИ «НАРОДНЫЙ РЕАЛИЗМ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ?

Понятие «народный реализм» оказалось тесно связанным с творчеством Ф. М. Решетникова и было предложено как точное обозначение специфики его. В целом наше литературоведение не полемизирует с высокими оценками вклада этого писателя в литературный процесс, какие он получил в высказываниях Тургенева и Достоевского, Салтыкова-Щедрина и Шелгунова, Г. Успенского и Ткачева. Мы понимаем, что их могло не быть, если бы за творчеством этого писателя, внезапно появившегося в середине шестидесятых годов, не видели новых начал, новых принципов, новых открытий. Ведь, по столь же общему признанию, новизна и оригинальность этого таланта не были поддержаны безусловной его отточенностью и совершенством.

Именно это значение Решетникова в развитии литературы было подчеркнуто в ряде некрологических статей. В частности, в «Санкт-Петербургских ведомостях» говорилось: «Покойный писатель должен быть признан самым выдающимся представителем той “молодой” литературы, которая получила развитие в последнее десятилетие и в которой таятся зародыши будущих, быть может, весьма замечательных плодов» [Санкт-Петербургские ведомости].

Наиболее полно некоторые существенные параметры художественной системы Решетникова определили М. Е. Салтыков-Щедрин

и Н. В. Шелгунов. Именно они заложили основы верного и достаточно единодушного понимания вклада этого писателя в гуманистическую народную художественную культуру страны.

Охотно цитируя отзывы выдающихся писателей о Решетникове, наши литературоведы как будто все же озадачены тем, что в них заключена мысль о «новом слове», «новой правде», об открытии «драмы борьбы за существование» как ключа к пониманию и художественному освоению народной жизни.

Озадаченность эта определяет столь неоднозначное понимание места Решетникова в типологии русского реализма. В одном случае он, отделенный от собственно революционно-демократической литературы, относится к «демократической прозе», где стоит в ряду, завершающемся именами Никитина и Лескова, художников явно другого плана [см.: Пospelов]. В другом же — отнесен к формирующейся в 1856—1868 гг. «новой, демократической литературе», но уже вместе с Чернышевским, Некрасовым, Щедриным [см.: Русская литература]. М. Б. Храпченко включил его в «гоголевское течение» вместе с Щедриным [см.: Храпченко, с. 280]. Но ведь сам М. Е. Салтыков-Щедрин в статье «Напрасные опасения» отделил Решетникова от Гоголя, сблизив последнего с литературой 1840-х гг., которая в целом должна быть сменена новой литературой, залогом развития которой он видит в Решетникове [см.: Салтыков-Щедрин, 1952, с. 291, 304, 320]. В построениях У. Р. Фохта все писатели от Чернышевского до Н. Успенского и Решетникова отнесены к социологическому течению, в развитии которого намечено три этапа: «натуральная школа», писатели-социологи шестидесятых годов и народническая литература семидесятых [см.: Фохт, с. 73]. М. Т. Пинаев относит Решетникова к просветительски-демократическому течению в социально-рационалистическом направлении реализма, включая сюда таких разных писателей, как Решетников и Бажин, Благовещенский и Шеллер-Михайлов, Н. Успенский и Омулевский [см.: Пинаев, с. 268].

Авторы монографии «Развитие реализма в русской литературе» мотивируют соединение всех писателей-демократов в одну типологическую общность «единством понимания характера в его связях

со средой, единством принципов психологизма» [Развитие реализма, т. 2, с. 320].

Между тем и понимание характера, и психологизм Решетникова обладают столь ярким своеобразием, что писатель не укладывается в предложенный типологический ряд. Разумеется, общность всего демократического литературного течения несомненна, но только до тех пор, пока мы остаемся в пределах общественной функции творчества его представителей.

В ряде других случаев авторы той же коллективной монографии присоединяют Решетникова к различным писательским общностям, то сужаемым, то расширяемым уже на других основах. Иногда писатели группируются по вниманию к «социальной дифференциации» [Там же, с. 303]. В другом случае — по ориентации на «химическое» преобразование социальной действительности [Там же, с. 306]. Объединение имен объясняется то одинаковым отношением писателей к «пропаганде просвещения» [Там же, с. 278], то «отсутствием идеализации народа» [Там же, с. 308]. Наконец, обнаруживается типологический ряд писателей, связанных общей «установкой на документализм и этнографические материалы, что сближает их с натурализмом» [Салтыков-Щедрин, 1973, с. 304]. Во всех этих случаях Решетников предстает в окружении далеко не всегда одних и тех же имен.

Такое отнесение Решетникова одновременно к нескольким типологическим группам противоречит утверждению Салтыкова-Щедрина об исключительной и решительной новизне решетниковского реализма, о формировании в его творчестве «народного реализма» [Развитие реализма, т. 2, с. 314].

Нельзя не согласиться с Н. Богдановым, который сближает с Решетниковым Н. Успенского и Левитова, т. к. творчество их «представляет определенным литературным течением с устойчивой системой художественных средств и приемов» [Богданов, с. 25]. Таким образом, и он возражает против «свободного» прикрепления Решетникова к различным типологическим группам, хотя бы и в рамках одного течения.

Ряд авторов, с уважением относясь к Шелгунову, анализируют его теорию «народного реализма», но, как правило, оценка самой

концепции опирается на признание безусловного превосходства реализма «головного», психологического, имеющего дело в первую очередь с самосознанием человека.

П. А. Николаев, много и плодотворно занимающийся литературно-критической мыслью второй половины XIX в. и ее ролью в формировании типологических разновидностей реализма, решительно возражает Шелгунову, полагая, что «форма мышления изображаемых писателем крестьян» и творческий принцип художника — это совершенно разные вещи. Но отсюда не следует, что творческие принципы писателя не включают в себя некоторые особенности сознания той среды, которая не только изображается литератором, но и является почвой, питающей его сознание [см.: Николаев, с. 131].

Именно так ставит вопрос М. Е. Салтыков-Щедрин. «Чтобы понять, что именно нужно народу, чего ему недостает, необходимо поставить себя на его точку зрения», — писал автор «Писем о провинции» [Салтыков-Щедрин, 1973, с. 199]. Надо думать, что речь идет не только о существе оценок, но и о способе их выражения.

В творчестве Решетникова Салтыков-Щедрин обнаруживал, во-первых, решительный отказ от этнографического взгляда на народную среду, когда в ней все «кажется стоящим в прямом противоречии с тем жизненным уровнем, который выработан цивилизацией: сама жизнь казалась построенною на совершенно иных основаниях, нежели жизнь цивилизованного меньшинства» [Там же, с. 167].

Отказ от подобного взгляда — уже переход на народную точку зрения. Во-первых, и это главное, по глубокому убеждению Щедрина, молодой писатель открыл, обнажил структурное значение (в качестве одного из художественных принципов) воспроизведения «драмы борьбы за существование», которая является и обстоятельствами жизни простого человека, и вместе фактором, объясняющим его поведение. Революционный демократ неоднократно подчеркивал, что сдвиги он видит не в расширении предмета изображения, даже не круга поднимаемых вопросов, а характера их идейно-художественного решения, что и приводит к существенным открытиям в познании закономерностей жизни трудовых народных масс как представителей человечества.

Шелгунов, как и Щедрин, также был уверен, что в «народном реализме» народное мышление не только объект литературы — оно отлагается в типе самого повествования.

Некоторые исследователи не видят смысла в шелгуновском разделении реализма на «головной» и «народный». Можно понять и В. И. Кулешова, в целом широко и верно оценившего Шелгунова [см.: Кулешов].

Между тем становится все яснее, что Шелгунов приходил к верному представлению, находящемуся в пределах материалистического понимания истории: литература есть не только осознание действительности в свете передовых идей, представляющих известную систему, но и освоение ее с позиций личности, включенной в процесс жизни, непрерывно порождающей и действия, и попытки осознания этих действий. Понимание собственного бытия личностью определяется положением социальной группы, в которую она включена, способом реализации общественной практики. Критерием верности или ложности представлений, суждений, выводов здесь будет не столько совпадение или несовпадение их со сложившейся, отстоявшейся системой знаний, сколько выражение действительных, исторически значительных, решающих явлений народной жизни, народного существования.

Шелгунов прав потому, что в основу дифференциации реализма он положил принцип ориентации того или иного литературного течения на обыденное («народный реализм») или научное («головной реализм») сознание. По меркам последнего обыденное сознание не заслуживает внимания как сознание неполное, неапробированное, не введенное в систему знаний, отобранных человечеством.

Обычно полагают, что обыденное сознание носит чисто прагматический характер, не стремится, да и не способно к обобщениям и в этом смысле представляет аналог философского позитивизма, сознательно отказывающегося от обобщений. Как показывают современные исследователи, такое понимание обыденного сознания является ошибочным [см.: Философия и другие..., с. 119].

Обыденное сознание человека отмечено не отсутствием этой способности; человек неизбежно стремится познать себя не только в отдельной ситуации, но и в системе своих связей «с другими»,

в своей истории, понять себя в мире. Так, у Решетникова молодежь Подлипной, покинувшая деревню, поднявшаяся на одну ступень выше, уже задается вопросом: «а почто не все богаты?» Разве это не на границе обобщений? Когда Токменцев не хочет породниться с сыном уставщика и обосновывает: «Сроднись с подлецом, и будешь сам подлец», — он выходит в достаточно широкое обобщение не только личного, но и социально-исторического опыта трудящихся. Обыденное сознание знает много форм таких обобщений.

«Современник» в том самом третьем номере журнала за 1864 г., где Решетников начал печатать «Подлиповцев», поставил вопрос о двух литературах, разделив «литературу высших умственных потребностей и наслаждений» и «литературу ежедневных текущих общественных явлений, нужд, вопросов». Вторую автор «Внутреннего обозрения» журнала назвал «обыденной». В ходе дальнейших рассуждений он отметил и различие самих писателей, создающих ту или другую литературу, подчеркнув демократизм и трудовой характер тех, кто создает «обыденную литературу». Речь шла именно о художественной литературе, а не о публицистике. Автор говорит: «Литературу обыденную ошибочно представляют в форме только публицистики. Напротив, она действует всеми родами и всеми формами словесного искусства...» [Внутреннее обозрение, с. 120]. Здесь не место развивать анализ статьи в целом. Но из того, что сказано, видно, как современники старались осмыслить процессы дифференциации литературы, как исподволь формировались взгляды, которые наиболее полно и четко, исчерпывающе удалось сформулировать Салтыкову-Щедрину, а позднее и Шелгунову.

Следует отметить, что, художественно осваивая народную жизнь с позиций самого народа, в свете обыденного сознания, Решетников выражал одну из линий духовного развития не только России, но и Европы. Капитализм нес с собой процессы демократизации общества, втягивая в общественное производство множество людей, убыстрял процессы обмена не только товаров, но и настроений, понимания, форм действия. Все эти процессы питали осознание личностью ее самостоятельности, с одной стороны, а с другой — ее роли в обществе, позволяли в конце концов проходить школу революции. Самое положение философии менялось. Вместо

идеи пассивного познания мира выдвигается идея его переделки на основе глубокого познания реальных процессов исторического развития. Почти одновременно с марксизмом, наиболее глубоко поставившим вопрос об общественном человеке, стали развиваться другие, чаще всего мелкобуржуазные, учения, и все они были ориентированы на исследование положения не идеи в мире, а человека в нем. Такая установка просматривалась в позитивизме, у Шопенгауэра, в конце XIX в. у Кьеркегора. В России идею построения философии, в центре которой находился бы сам процесс жизнедеятельности личности, выдвигал академик Грот. Одновременно повышалась оценка подлинности и самодостоверности обыденного сознания.

Философия в России, опиравшаяся на достижения немецкой классической философии, в лице Белинского, Герцена, Чернышевского независимо от позитивистов и других подымалась над эмпиризмом, но не отрывалась от осознания живого потока социально направленной человеческой деятельности.

Каковы же параметры «народного реализма»? Как они мыслились Шелгуновым, намечались Щедриным, выражались в творчестве Решетникова?

В «новом» реализме Салтыков-Щедрин, как, впрочем, и Шелгунов, на первый план выдвигает изменившиеся отношения писателя и среды, которую он изображает. Во-первых, этот писатель не находится в «кастическом отчуждении» от трудящихся. Во-вторых, писатель нового типа далек от созерцательности, его отношение к жизни деятельное, практическое. Он сам способен встать на точку зрения своих героев, находящихся во власти обыденного сознания, он раскрывает возможности этого сознания.

У Решетникова мы встречаемся со стихийным, широким выражением содержания и формы воззрений трудового народа, с самим биением рождающейся мысли, мысли о своем положении, о силах, управляющих жизнью, о правах человека, об обстоятельствах, которые требуют активного к себе отношения. Особенности реализма Решетникова, писателя-уральца, сформировавшегося в крае, где столь развитым было промышленное производство, где складывался

громадный отряд рабочих, не связанных с крестьянством, с формами жизни «на своей земле», определены именно этим.

В. И. Кулешов замечает, что народный реализм не может родиться на почве крестьянской жизни [см.: Кулешов, с. 327]. С ним можно согласиться. Но реализм Решетникова и вырастает из особенностей бытия рабочих, а не крестьян. Л. М. Лотман видит отражение в решетниковском реализме эпохального процесса подвижности трудового населения, выхода его из местных замкнутых гнезд на широкий рынок труда [см.: Лотман, с. 11].

Продолжим наблюдения над приметами «народного реализма» как художественной системы.

Заметим, что объектом художественного внимания Решетникова является не только положение трудящихся, но и формы их реакций на жизнь, выстраивающихся в систему поведения, процесс самого отношения к обстоятельствам жизни.

У Решетникова человек не только включен в некоторые внешние условия, к которым принаравливается его деятельность. Писатель заставляет нас видеть, как сами общественные условия определяют цели и мотивы поступков, средства и способы самоутверждения. Пелагея Прохоровна оберегает свою свободу, стремясь трудом гарантировать независимость, так как именно этот способ подсказывают ей условия существования. Есть другой путь, который она отбрасывает: ее миловидность обеспечивает ей безбедную жизнь, но — она это знает — ценой отказа от личности, от самоуважения, от уважения и приязни других. Она выбирает активно, сознательно. В романах Решетникова о рабочих нет представления о фаталистической обреченности человека. Ни у одного из писателей до Решетникова не было такого анализа потребностей, четкого обнаружения их значения в закономерностях народной жизни. Герой в его романах и очерках постоянно взаимодействует со средой, ставится в те или иные обстоятельства, принимает решения. Пила решает уйти из Подлипной, Караваев и Горюнов — покинуть заводской поселок. Поведение человека в произведениях писателя строится, складывается из ряда поступков, выступает во всей деятельности. Взаимодействие личности со средой в литературе, создаваемой людьми, страдающими «кастической от-

чужденностью» от народа, тоже есть, но здесь личность в своем целом, в органике своего сознания и самосознания противостоит среде и находится одновременно в связи с ней. У Решетникова личность погружена в действительную материальную сферу ее существования, бытовые и, шире, социальные отношения и рассматривается в порядке постепенного накопления данных о реакциях ее на толчки действительности, начиная с мелких, дробных, почти незаметных. Мотивы поступков — своеобразное сознательное обобщение неизбежности тех или иных действий. Его рабочие постоянно устанавливают причинно-следственные связи, что отражается даже в некотором однообразии синтаксиса, в повторении немногих подчинительных союзов, при помощи которых связываются отдельные части предложения. Писатель рисует процесс становления сознания, возникновение его как осознание практики труда и социальных отношений.

Личность у Решетникова находится в движении. Писатель отмечает связи ее с фундаментальными родовыми навыками социальных отношений трудящихся. Величайшее значение творчества Решетникова, особенно его романов, заключается также в том, что он воспроизвел реальное динамическое состояние формирующегося рабочего класса, органическую подготовку его сознания, ступени роста этого сознания. Ему удалось раскрыть объединяющее значение коллективного труда в условиях эксплуатации. Единство рабочих в трудовой жизни порождает уважение друг к другу, что выражается даже в уважительном навеличивании героев Решетникова по имени-отчеству. Самозащита и утверждение своих прав и достоинства с особой остротой заставляют людей, населяющих романы Решетникова, ощущать права и достоинства других, таких же трудящихся. В отстаивании прав личности, борющейся с бесправием, рождается та упругость характера, на которую указывал Берви-Флевровский как на отличительную особенность рабочего характера. Отметим, что выводы Берви основаны на наблюдении именно рабочих Урала. Он изображает явление, о котором говорил К. Маркс: «В планомерном сотрудничестве с другими рабочий преодолевает индивидуальные границы и развивает роевые потенции» [Маркс, Энгельс, т. 47, с. 288]. Решетников везде говорит о вражде к приказ-

ным, уставщикам, приказчикам, своеобразном разделении даже крепостных на служителей и мастеровых. Он напоминает о готовности коллектива к отпору, хотя тут же, в соответствии с исторической правдой, вводит и самообвинения героев в недостаточной твердости, отсутствии единства.

Понимание отношений личности и среды у Решетникова как будто воспроизводит сеченовскую мысль, что в определение организма должна входить и среда. Лицо в художественной системе Решетникова действительно часть общественного бытия, несет в себе его черты и свойства. Физическая сторона личности, оказывавшаяся в предшествующей литературе внеэстетичным явлением, входит у Решетникова в самую суть эстетического осознания ее.

Самым существенным признаком формирования новой художественной системы является изменение принципов типизации. Между тем мы охотно говорим о новизне тем, героев, проблем у писателя, но не замечаем принципиальных различий в типизации. В творчестве Решетникова в значительной мере принципы типизации, определяемые отказом от генерализующих обобщений, субъективных по происхождению, становятся новыми. Подобный реализм был действительно новым. Типизация здесь достигается не так, как в классическом реализме. Она обнаруживается в установлении детализированной внутренней закономерности и законосообразности каждого кванта поведения не применительно к понятию народного духа, высоким целям, общим понятиям о нравственном, а в соотношении этих квантов между собой в их зримой необходимости и только на этой основе — целесообразности. Главное в решетниковской типизации — отыскание внутренней структурности поведения отдельного человека, подчеркнуто частного, с жизненным опытом, накопленным им, а также и тем социальным целым, к которому он принадлежит.

Видимо, трудно исчерпать характеристику всех параметров того реализма, который получил в свое время наименование народного, требуется еще большая дополнительная работа. Но ясно, что принципиальная новизна решетниковского подхода к изображению

народной жизни, столь решительно замеченная многими писателями, — сама реальность, которая нуждается в дальнейшем детальном описании и анализе.

В ходе размышлений оказались в стороне отношения Решетникова с писателями из числа тех, чьи имена обычно и ставятся рядом с ним: это в первую очередь Н. Успенский и Помяловский. Следует полагать, что статья Чернышевского о Н. Успенском и рецензия Салтыкова-Щедрина, как и работа Шелгунова, говорят об одном явлении, находящемся на разных ступенях развития.

Если наиболее отчетливо некоторые стороны «народного реализма» выступили у Решетникова, опирающегося на жизненный опыт особой группы народа — рабочих, порывающих с крепостническими порядками, то это не значит, что проблема исчерпывается только этим. Сам рабочий класс находился в достаточно неотдифференцированном состоянии от других групп, объединяемых понятием «народ».

Некоторые стороны «народного реализма» — глубокое понимание особой логики поступков, поведения крестьянина, осмысление этой логики — несомненно присутствуют в творчестве Г. Успенского четко и ясно, в соединении с другим рядом повествования об анализирующей, нравственно напряженной, переживающей, рефлектирующей душе самого повествователя. В своем развитии «народный реализм» находил выражение в творчестве Мамина-Сибиряка. Горький вступил в литературу по-своему, но не отбрасывал открытый этой линии реалистического искусства.

Богданов Н. Чернышевский — критик Н. Успенского // Филол. науки. 1967. № 1.

Внутреннее обозрение // Современник. 1864. № 3.

Кулешов В. И. История русской критики. М., 1979.

Лотман Л. М. Ф. М. Решетников и проблема романа в шестидесятые годы // Рус. лит. 1870—1890 годов. Вып. 6. Свердловск, 1974.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1973. Т. 47.

Николаев П. А. Реализм как творческий метод. М., 1975.

Пинаев М. Т. Направления, течения и школы в русской литературе 1860—1870 гг. // Соврем. сов. ист.-лит. наука: актуал. вопр. Л., 1975.

Поспелов Г. Н. История русской литературы XIX в. (1840—1860). М., 1981.

Развитие реализма в русской литературе. М., 1973.

Русская литература XIX века : программа для университетов. М., 1979.

Салтыков-Щедрин М. Е. О литературе. М., 1952.

Салтыков-Щедрин М. Е. О литературе. М., 1973.

Санкт-Петербургские ведомости. 1871. № 76, 17 марта.

Философия и другие формы сознания. М., 1979.

Фохт У. Р. Типологические разновидности русского реализма : (к методике изучения) // Пробл. типологии рус. реализма. М., 1969.

Храпченко М. Б. Типологическое изучение литературы // Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1970.

УДК 821.161.1-312.2 + 159.922.23

А. К. Базилевская

ПСИХОЛОГИЯ ЛЮБВИ В «ТАИНСТВЕННЫХ ПОВЕСТЯХ» И. С. ТУРГЕНЕВА

Аэлита Кузьминична Базилевская (1925—2007) родилась в г. Ногинске Московской обл. В 1949 г. окончила филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова по отделению «Русский язык и литература». В 1949—1952 гг. проходила аспирантуру при кафедре русской литературы Московского областного педагогического института. В декабре 1962 г. защитила кандидатскую диссертацию «Повести М. Е. Салтыкова-Щедрина сороковых годов и их место в творчестве писателя» в ученом совете филологического факультета МГУ. С января 1958 г. по август 1973 г. работала на кафедре русской литературы (позднее кафедра русской и зарубежной литературы) Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Читала лекционные курсы по русскому устному народному творчеству, древней русской литературе и истории русской литературы XIX в. (2-я пол.), Разрабатывала спецкурсы «Человек в понимании и изображении Л. Н. Толстого», «Проблемы характера в русской классической литературе», руководила научным